

УДК 342.04.03

Е. В. Титова

НЕКОТОРЫЕ АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

E. V. Titova

SOME ASPECTS OF THE CONSTITUTIONAL AXIOLOGICAL LAWFUL BEHAVIOR

Автор статьи, посредством процесса реализации права, анализирует влияние мотива правового поведения на его конституционную оценку. Отмечается, что результативность инициатив, которые направлены на законодательное закрепление уважительного отношения к государственным и социальным институтам, создаваемым для достижения конституционно-значимых целей, напрямую связано со способностью управлять мотивами поведения. На примере деятельности должностных лиц, наделенных публичными полномочиями и осуществляющих властные функции от имени государства, делается вывод о том, что выбор модели поведения, хотя формально и соответствующей требованиям закона, но при этом позволяющей уклониться от исполнения обязанностей, приводит к имитации конституционности.

Ключевые слова: конституционное правомерное поведение; мотивация субъектов правовых отношений; реализация права; конституционная ценность; конституционная аксиология; юридическая ответственность.

The author, through a process of realization of the right, examines the impact of motive legal behavior on its constitutional assessment. It is noted that the effectiveness of initiatives aimed at legislative consolidation of respect for the public and social institutions created to achieve a constitutionally significant purposes directly related to the ability to control motives. For example, activities of the officials vested with public powers and carrying out the functions of power on behalf of the state, it is concluded that the choice of behaviors, although formally complying with the requirements of the law, but it allows to avoid the duties, leads to imitation of constitutionality.

Keywords: constitutional good behavior; motivation of the subjects of legal relations; realization of the right; constitutional value; constitutional axiology; legal liability.

Конституционный порядок, базирующийся на признанных обществом требованиях справедливости, достигнутой свободы, недопустимости произвола, к которому стремиться российская государственность, предполагает формирование такой модели поведения граждан, должностных лиц, государственных и муниципальных органов, да и государства в целом, которая соответствует конституционным идеалам. Аксиологический потенциал конституционного правомерного поведения приобретает значение именно в периоды социальных трансформаций, сопровождающихся изменением представлений об институциональной и нормативной основе государства и общества, переосмыслением концептов,

целей и ценностей, допустимых средств реализации социальных потребностей и интересов.

Значимость конституционного права, выраженная через его ценности, проявляется не только отношениями между конституционным правом как отраслью и правовой системой в целом, но и в том, как такие ценности воспринимаются законодателями и правоприменителями, в том, как происходит практика реализации конституционных норм. Большое значение конституционные ценности имеют и в практике конституционного правосудия, поскольку с одной стороны, выступают инструментом нормоконтрольной деятельности при рассмотрении дел, с другой — конституционные ценности яв-

ляются результатом деятельности органов конституционного контроля, в первую очередь Конституционного Суда РФ, поскольку именно в результате их деятельности ценности приобретают формализацию.

Обращаясь к аксиологической составляющей конституционного правомерного поведения, можно сказать, что наиболее значительное пространство для исследования его ценностного потенциала предоставляет реализация права. Это обусловлено тем, что все ее формы (соблюдение, исполнение, использование и применение) находят свое непосредственное выражение в правовом поведении субъектов правовых отношений. В свою очередь, конституционное правомерное поведение, как разновидность правового поведения, «сопровождает» все формы надлежащей реализации права, которая в наиболее общих чертах рассматривается юридической доктриной как процесс перевода свойств права в социально полезный результат [11, с. 201].

Учитывая это обстоятельство, логично исходить из того, что исследование структуры правового поведения, с выделением в ней доли конституционного правомерного поведения, может быть использовано для ревизии эффективности ряда институциональных характеристик государства и общества, а также происходящих в них процессов. Это определяет ценность конституционного правомерного поведения не только как способа наиболее эффективного достижения целей конституционного регулирования, но и как предмета и одновременно средства правового мониторинга, направленного на формирование обоснованных суждений о качестве элементов политико-правовой системы и устойчивых тенденциях их функционирования.

Однако поведение, соответствующее требованиям закона и имеющее одно и то же внешнее выражение (действие или бездействие) может быть обусловлено различными мотивами, которые определяют его различную конституционную ценность. Этот тезис может быть проиллюстрирован многочисленными ситуациями соблюдения закона, то есть той формы его реализации, которая связана преимущественно с действием норм-запретов. Надлежащее соблюдение закона предполагает воздержание от совершения тех действий, перечень которых установлен нормой права, а также отсутствие обязанности совершать с этой целью какие-либо активные действия [6, с. 4]. Соответственно, соблюдение запрета характеризуется

пассивным поведением субъектов правовых отношений, к которым относятся все праводеспособные лица, что позволяет рассматривать указанную форму право-реализационного процесса, обеспечивающую правомерное поведение, в качестве универсальной [10, с. 7].

Следует согласиться с Б. С. Эбзеевым в том, что с социальной точки зрения запрет представляет собой имманентную границу свободы, тот ее предел, за которым она трансформируется в произвол [12, с. 249]. С правовой же точки зрения запрет — это юридическая недопустимость (по выражению А. Г. Братко — «невозможность») конкретной модели поведения, которая фактически может быть реализована [1, с. 17]. Поведение субъекта правовых отношений, не совершающего действий, запрещенных законом, является правомерным, однако его конституционная значимость может существенно различаться в зависимости от мотива действий. Так, применительно к сфере уголовно-правового регулирования А. Г. Братко высказано утверждение, что многие субъекты правовых отношений соблюдают не правовой, а глубоко укоренившийся в их сознании моральный запрет, в связи с чем сам уголовно-правовой запрет фактически не оказывает на них регулирующего воздействия [2, с. 6—7]. Несмотря на это, воздержание от совершения преступления по моральным основаниям, предполагающим наличие внутреннего убеждения субъекта в недопустимости совершения запрещенных действий, отвечает критериям конституционного правомерного поведения. Иная ситуация имеет место в случаях, когда лицо, имея намерение нарушить норму-запрет, осуществляет правомерные действия, опасаясь исключительно применения мер государственного принуждения (наступления негативной юридической ответственности). Такое поведение также формально может быть определено в качестве конституционно правомерного, однако имеет значительно меньшую конституционную ценность. Это обусловлено тем, что субъект внутренне ориентирован на совершение противоправного поступка и готов совершить его, если будет убежден в том, что ответственность за это не наступит.

Следовательно, увеличение доли «истинного» конституционного правомерного поведения в структуре правового поведения и, соответственно, полноценная реализация его ценностного потенциала возможны только посредством эффективной мотивации субъектов правовых

отношений действовать добросовестно, и может быть осуществлено только при условии формирования у них внутреннего убеждения в правильности такого образа действий. Поэтому представляется обоснованным говорить о низкой прогностической результативности инициатив, которые направлены на законодательное закрепление уважительного отношения к государственному и социальным институтам, создаваемым для обеспечения законности и правопорядка, если не будет сформирована соответствующая мотивация. Это связано с тем, что для соответствия параметрам конституционного регулирования деятельность субъектов общественных отношений в правовой сфере нуждается в реальном, практическом обосновании совершения тех или иных действий, их осознанном соотношении с социально-юридическими критериями правомерности. Таким образом, результативность управления действиями индивидов и их общностей достигается «только посредством управления мотивами» [9, с. 5].

Необходимо согласиться с А. В. Малько, который, рассматривая указанную проблему, обращает внимание на то обстоятельство, что отрицательная мотивация обычно приводит лишь к вынужденному согласию. В свою очередь, правовой стимул способен оказывать реальное побуждающее к правомерному поведению действие только в тех ситуациях, когда он, затрагивая интерес субъекта, трансформируется в позитивный мотив. В тех случаях, когда правовой стимул не соответствует внутренним установкам субъекта и не отвечает его целям, позитивный побудительный мотив отсутствует. Воздействие правовых запретов и ограничений на мотивы личности также опосредуется влиянием на ее интерес, однако в данном случае «юридическая... информация сигнализирует не о привлекательности и добровольности, а о необходимости и принудительности». Поэтому запреты создают сдерживающий барьер, который блокирует мотивы, побуждающие личность к неправомерным действиям, не формируя у субъекта общественных отношений внутренней осознанной потребности в конституционно правомерном поведении.

В тех случаях, когда реализация права ограничивается его соблюдением, достаточно сложно судить о том, какими были истинные мотивы действий субъекта правовых отношений. Это обусловлено тем, что, воздерживаясь от нарушений закона, он в любом случае действует формально правомерным образом, следовательно,

желаемый результат правового регулирования (соблюдение запрета) достигается вне зависимости от мотива поведения, не требуя каких-либо дополнительных правовых средств.

Более явно, на наш взгляд, мотив конституционного правомерного поведения прослеживается в ситуациях исполнения и использования права. Это связано с тем, что, в отличие от соблюдения права, эти формы его реализации подразумевают обязанность либо возможность совершения субъектом правоотношений активных действий, характер которых позволяет косвенным образом судить о его намерениях.

Так, например, исполнение налоговой обязанности предполагает выполнение гражданами и юридическими лицами конституционного предписания уплачивать налоги и сборы в полном объеме, надлежащим образом и в сроки, определенные законодательством [4, с. 58]. В тех случаях, когда это требование осознается субъектом в качестве законного и необходимого для реализации оптимального сценария социально-государственного развития, оно выполняется им, свидетельствуя о конституционно правомерном поведении. В иной ситуации лицо сознательно уклоняется от исполнения данной обязанности, не совершая предписанных законом действий, что представляет собой противоправное (и, в частности, конституционно неправомерное) поведение. Однако обязанный субъект может предпринимать и формально правомерные (не распознаваемые действующим законодательством в качестве противоправных) действия, направленные на неисполнение закона, используя для достижения этой цели «внешне законный алгоритм юридических средств» [3, с. 5] и дефекты юридической техники, допущенные при создании нормативного правового акта. Именно по этой причине большой популярностью среди налогоплательщиков пользуются семинары консалтинговых фирм с различной долей вариативности темы: «Как законно не платить налоги».

Еще более явным образом в рамках исполнения и использования права конституционное правомерное поведение прослеживается в деятельности должностных лиц, наделенных публичными полномочиями и осуществляющих властные функции от имени государства. Это обстоятельство подчеркивается многими исследователями, связывающими данный вид поведения с понятием позитивной юридической ответственности как необходимого требования к конституци-

онному статусу указанных субъектов. Так, Н. И. Матузов выделяет понятие статусной ответственности, понимая под ней позитивную ответственность лица за надлежащее выполнение своих обязанностей [8, с. 209—214]. Аналогичного подхода придерживается Б. С. Эбзеев, по мнению которого позитивные конституционные обязанности, находясь во взаимосвязи со всей системой конституционных ценностей, выступают парной категорией основных прав и свобод, образуя вместе с ними основу правового статуса личности и выступая в качестве гарантии стабильности государства, прав и свобод граждан. По мнению ученого, ряд позитивных обязанностей, возлагаемых Конституцией РФ на гражданина, отражает государственно-правовые качества личности, предполагая, что в процессе их осуществления он выступает от имени государства, а само это осуществление носит характер государственной деятельности [12, с. 265]. Указанную особенность подчеркивал и Г. В. Мальцев, замечая, что в служебный статус должностного лица «входят не сами по себе полномочия, а обязанности осуществлять эти полномочия» [7, с. 428].

Специфика данного вида деятельности, в числе ряда факторов, определяется наличием у лица обязанностей, юридический механизм реализации которых далеко не всегда может быть детализирован в нормах закона. Это обусловлено невозможностью предусмотреть как правовые технологии принятия властных решений в разнообразных конкретных ситуациях, так и объем и характер ресурсов, которыми субъект располагает для этих целей. Как следствие, отсутствует возможность регламентировать нормами права и желаемую, с точки зрения конституционного регулирования, степень активности поведения должностного лица по исполнению обязанностей в рамках предоставленных ему властных полномочий. Так, субъект может избрать модель поведения, основанную на инициативных добросовестных действиях, используя для решения поставленных перед ним задач все доступные ресурсы, включая инновационные технологии государственного управления и администрирования, политико-правового прогнозирования (конституционно правомерное поведение). Однако он может и не делать этого, ограничиваясь формальным исполнением своих обязанностей в той мере, в какой данное поведение не влечет наступления для него негативной юридической ответственности. Соответственно, не выходя за рамки общетеоретического

понимания правомерности, указанные действия способны привести к качественно разным конституционным последствиям для общества и государства. Такие последствия будут определяться степенью реализации потенциала политической власти, направленной на становление и эффективное функционирование их конституционной модели.

Обращение к отдельным формам реализации права позволяет прийти к некоторым выводам о самостоятельной ценности правомерного поведения. Прежде всего, на наш взгляд, она заключается в его имплицитном системном единстве с конституционными ценностями более высокого уровня (общеправовые и конституционные принципы, иные ценности), без которого не может быть понята внутренняя логика конституционного текста и осуществлена должная реализация ее норм. Конституционное правомерное поведение обладает особенностью, присущей конституционным ценностям и заключается в способности одновременно существовать «в двойном измерении». Это выражается, с одной стороны, в том, что такие ценности представляют собой обязательный элемент правовой (формально-нормативной) реальности, составляющую регулятивного механизма позитивного права. С другой стороны, они как элемент психосоциальной действительности отражают установки, те устойчивые представления, которые складываются в сознании индивидов и социальных групп в связи с восприятием того или иного законодательного установления как социально необходимого, полезного, значимого, а потому — должного. В этом качестве, характеризуя объективные закономерности общественного развития, конституционные ценности (включая и конституционное правомерное поведение) предопределяют становление и эффективное функционирование позитивного правопорядка [5, с. 31].

Ценность конституционно правомерного (добросовестного) поведения определяется его качеством «эталонной модели» действий в конкретной юридической ситуации, имеющим информирующее значение. Установление несоответствия поведения этой модели выполняет своеобразную сигнальную функцию, свидетельствуя о необходимости ревизии качества закона, принятия мер, корректирующих дефекты правосознания, установления дифференцированных правовых режимов, направленных на обеспечение добросовестности (конституционности) правопользования.

Литература

1. Братко, А. Г. Запреты в советском праве / А. Г. Братко. — Саратов, 1979.
2. Братко, А. Г. Правовые запреты и социальное поведение / А. Г. Братко // Вопросы юридической ответственности и деятельность органов внутренних дел : материалы науч. конф. — Волгоград, 1978.
3. Волков, А. В. Обход закона как наивысшая форма злоупотребления правом / А. В. Волков // Гражданское право. — 2013. — № 2. — С. 2—8.
4. Воронов, Е. Н. Актуальные проблемы принудительного исполнения налоговой обязанности в Российской Федерации / Е. Н. Воронов // Право и экономика. Документы. Комментарии. Практика. — 2012. — № 7. — С. 57—64.
5. Джагарян, А. А. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии / А. А. Джагарян, Н. В. Джагарян // Юридический мир. — 2014. — № 2. — С. 27—34.
6. Кузакбирдиев, С. С. Особенности реализации правовых запретов / С. С. Кузакбирдиев // Научные исследования высшей школы : сб. тезисов докладов и сообщений на итоговой науч.-практ. конф. (10 февраля 2004 г.). — Тюмень, 2004.
7. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. — М., 2007.
8. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. — Саратов, 1987.
9. Мерлин, В. С. Лекции по психологии мотивов человека / В. С. Мерлин. — Пермь, 1972.
10. Осипов, А. В. Соблюдение норм советского права как форма их реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Осипов. — Саратов, 1980.
11. Протасов, В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства / В. Н. Протасов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт-М, 2001.
12. Эбзеев, Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б. С. Эбзеев. — М. : Норма, 2007.

ТИТОВА Елена Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). 454080, г. Челябинск, пр. В.И. Ленина, 76. E-mail: titova_elena@bk.ru

TITOVA Elena Viktorovna, candidate of Law, Associate professor, Acting Head of Department Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University) 76, Lenin Ave., 454080, Chelyabinsk. E-mail: titova_elena@bk.ru

For citation: **E. V. Titova**. Some aspects of the constitutional axiological lawful behavior *Problemy prava (Issues of Law) founders journal* № 6(54).2015. pp. 19—23.

